

ПРАЗДНИК СОЛНЦА НА НОРО-Я

Игорь Юрасов

Праздник Солнца на Норо-Я

**Москва
2013**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю64

Юрасов И.
Ю64 Праздник Солнца на Норо-Я / Игорь Юрасов. —
М.: Книга по Требованию, 2013. — 160 с.

ISBN: 978-5-518-32176-2

Сюжет предлагаемого вашему вниманию повествования не блещет новизной. Он основан на реальных фактах и является отражением событий, произошедших не только с двумя друзьями, но через призму лет спроецированных на весь народ, некогда единый, и вдруг разделившийся на тех, кому всего мало, и обычных, порядочных людей, для которых достаток и богатство не являются величиной материальной, а скорее категорией нравственной, определяющей смысл и содержание их поступков.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Формат: 148x210 мм.
Гарнитура: «Minion Pro».
Печать цифровая.

© И. Юрасов, 2013
© Lennex Corp., 2013

ГЛАВА 1

Была ранняя весна, время года, когда в Первопрестольной чистое небо часто затягивают сырые, мрачные, полные влаги небесные хляби, и падающий с небес липкий, влажный снег к середине дня может смениться дождём, а дождь к вечеру снова перейти в снег.

Пожилой человек, смотревший в окно на привычную его взору панораму столичного проспекта с просевшими, грязными сугробами на газонах, с катящими неведомо куда, разбрызгивая по сторонам жидкую мешанину воды и снега, потоками машин, скоплениями людей на тротуарах, фасадами зданий в сетке дождя, с магазинами, офисами, отелями, и довольно улыбался.

Он улыбался потому, что скоро, со дня на день, ему надо будет идти в отпуск, а где-то, далеко-далеко отсюда, от этой слякоти и вечно затянутого серыми тучами неба, под южным улыбчивым солнцем, лежит маленький, удалённый от извечных проблем цивилизации городок, по улицам которого об эту пору плывёт горьковато-пряный запах цветущего миндаля, в магазинах полно хорошего вина, а на весенних, тающих негой в будоражащих сознание внешних ароматах улиц много цветов и улыбающихся, дружелюбных, красивых женщин. В его глазах это что-то значило. Тепло, запах цветущего миндаля! В этом был некий, доступный его уму южанина человека, выросшего на юге, особый смысл.

Вот мужчина и улыбался от переполнявшего его ощущения полноты жизни, потому что ему казалось, что тот минимальный набор, своего рода корзину бытия, что была необходима ему для ощущения полноценности существования, он набрал полностью. И если чего ему и не хватает, чтобы быть на необходимом ему уровне, то это уже совсем мало что значащие, не имеющие решающего значения пустяки.

Он был высок, худ, чуть сутуловат, короткая, на пробор, русая причёска уже белела первой порошей. Простой, без изысков, костюм выглядел тесноватым на его широких плечах, а воротник белой рубашки, застёгнутой наглухо, натирал должно быть, ему шею, и, ослабив галстук, он расстегнул воротник и облегчённо вздохнул, отчего светлые, цвета спелой

ржи брови взлетели птицами над льдистой, холодной голубизной глаз, а простое курносое лицо, обветренное, с признаками обморожения, какие бывают у людей бродяжьих профессий: моряков, геологов, золотоискателей, расслабилось, приобрело устойчивое выражение довольства собой и всем тем, что он видел.

И вполне возможно, конечно, как на чей взгляд, а по его мнению, для этого имелись кое какие, достаточно веские основания.

За его спиной на рабочем столе лежал отчёт о проделанной за год работе, получивший одобрительную оценку на учёном совете. И хотя, кроме общих выводов и рекомендаций, отчёт вроде бы ничего не содержал, мужчина считал, что год, проведённый им в экспедиции, не пропал даром. А что касается результатов, то что поделаешь! Такова работа исследователя — поисковика. Издержки профессии. Иногда и пять, и десять лет пройдёт, пока появятся первые обнадеживающие результаты, а бывает, и целой жизни иной раз оказывалось мало, и проходило пятьдесят, а иногда и сто лет, прежде чем высказанные однажды новые идеи получали всеобщее признание и обретали законную силу.

А бывали, и нередко, трагические случаи. Известно немало совсем печальных историй, когда за открытия, за новое слово в науке приходилось платить единственным настоящим богатством, которое есть у человека, собственной жизнью.

Одним из многих примеров тому может служить история открытия золотых приисков на Вилую или, например, печальная участь первооткрывателей архангельских алмазов, расстрелянных по ложному навету.

Прошло пятьдесят лет. В сохранившихся случайно архивах нашли старые записи. В записях нашли давно забытые фамилии, и описание нового месторождения алмазов в грязевых вулканах под Архангельском, и спустя пятьдесят лет открытие благополучно открыли вновь.

Да мало ли таких примеров! В нашем достославном государстве им нет числа. Как и вообще в науке, и в нашем государстве и повсеместно.

Но прогресс остановить нельзя. Когда-то и они вдвоём с Монголом были и настолько наивны, что мечтали совершить переворот в той области знаний, которой они интересовались.

Как давно это было! Сколько всего поменялось в жизни. И где теперь Монгол, а где он?

Мужчина посмотрел на отчёт и вздохнул. Конечно, он был уверен в правильности высказанных в отчёте мыслей. Они не блистали особой новизной. Если бы это хотя бы что-то определяло! Обычная рутинная работа. Такой же отчёт он написал в прошлом году. И позапрошлом.

Одни и те же слова. Одни и те же мысли. Один к одному. Но реального выхода не было. Не было того, ради чего они трудились год за годом в этих жутких, кошмарных условиях, в страшных, гибельных краях, в несовместимых с нормальными представлениями о жизни быте и полном опасностях труде. И всё из-за чего?

Чтобы кто-нибудь в главке, в случае удачи, отрапортовал об успешном завершении работ, огрѐб за доклад, как принято, лавры первооткрывателя и причитающиеся к лаврам поощрительные блага.

Ну, наверно, и им бы что-нибудь перепало с барского стола. Дополнительные отпуска, санаторские путѐвки, премии и, возможно, небольшую шумиху в прессе.

Но не было ни нефти на тех горизонтах, на которых они бурились, ни ничего, что могло бы оправдать те немислимые расходы сил и средств, которые им приходилось тратить на изыскательские работы. Соответственно и мысли в отчёте не блистали особой новизной. Однако в перспективе они обладали большой степенью надёжности. В случае успеха предприятие стократно могло окупиться сторицей. Но как это всё было далеко от того, о чём они когда-то мечтали!

Разумеется, как и любой труд, его работа требовала серьёзных познаний, и отработанных годами навыков, и удачи, и не в последнюю очередь — счастливого наития.

И, должно быть, вне сомнения, чем-то таким он обладал. Не зря же он топтал землю. К его мнению прислушивались сотрудники, и руководитель института, учёный, чьи научные работы, кроме отечественных журналов, печатались в таких серьёзных изданиях, как «Дайджест Сайентист», накладывая собственноручно резолюцию на титульном листе отчёта, и листая в задумчивости листы, по-дружески спросил:

— Так вы, Иван Иванович, считаете, что на архипелаге необходимы дополнительные исследования?

— Без сомнения, Феликс Владимирович. Нам во что бы то ни стало необходимо продолжить дальнейшие разработки. Там наше будущее. Никакие финансовые затраты на поисковые работы не могут считаться достаточными. Потом всё окупится. Мы на правильном пути.

— Эк хватил! Наше будущее! Потом всё окупится. Мы на правильном пути, — рассмеялся Феликс Владимирович. — Вам, кажется, скоро на пенсию? А вы такие планы рисуете! Не витаєте ли вы в облаках? Может, спустимся с облаков на грешную землю? В конце концов и возраст кое к чему обязывает.

— Никого ни к чему возраст не обязывает! — возразил Иван Иванович. — Поверьте мне! Что с того, что на пенсию! Пятьдесят лет ещё не возраст. Может, я кое-что только-только впервые начал понимать. Или начинаю. Может, мне во многом ещё надо разобраться.

— А раньше времени не было?

— Раньше по младости вопросов этих не было.

— Ничего себе младость! К этому возрасту у всех обычно все вопросы уже решены. А вы только-только что-то собираетесь решать. Не кажется ли вам, что это крайний случай? Клиника!

— У некоторых к этому возрасту вообще каких-либо вопросов по жизни не густо было. А у меня так получилось, что к концу, к последней финишной прямой, этих самых вопросов изрядно поднакопилось.

— Тогда что же вы, докторскую защитить хотите?

— Докторскую? — переспросил Иван Иванович. Он на какое-то время ненадолго задумался и произнёс:

— Пожалуй, нет.

— Что же в таком случае за причина, что вы хотите продолжить исследовательскую работу?

— Есть, знаете ли, кое-какие беспокоящие, не дающие мне покоя мысли, и не в последнюю очередь насчёт себя. Надо наконец решить, кто я. И ряд других вопросов.

Их необходимо додумать, разобраться до конца, до полной ясности. А пенсия это конец дороги Тупик с общеизвестным окончанием.

— Значит, опять север? Опять зимовки? Лишения и тяготы необустроенного полярного быта? Что же, у вас нет личной

жизни? Или вы боитесь в вашем возрасте заводить серьёзные отношения? Это, поверьте мне, не так уж сложно.

— Если бы это в нашем возрасте что-нибудь решало. Хотя бы какую-нибудь часть проблем, — огорчённо возразил Иван Иванович. — Наши проблемы бытом не решаются. Это мы уже проходили. И с чем в результате остались? Это не решение вопроса. Личная жизнь! — Иван Иванович на минуту задумался. — Если любишь дело, которому служишь, если пришёл к нему по велению сердца, по призванию, оно может значить гораздо больше, чем так называемая личная жизнь. Дело, которому служишь, это тоже личная жизнь. Значительная её часть. Возможно, для некоторых, самая главная.

— Ну, это явный перебор. Вы, часом, не того? — Феликс глянул с укоризной и покрутил пальцем у виска. — Нет у вас боязни, что ошибаетесь?

— Может, ошибаюсь! Кто в этой жизни не ошибается? Такое право есть у каждого. Но, на мой взгляд, лучше ошибаться, чем жить монотонной, однообразной, тухлой жизнью среднестатистического обывателя, героя родной улицы и ближайших пивнушек. Или наоборот, устраивать выпендрёж, и немисливо, без меры, гордиться тем, что не пьёшь, как бы здраво мыслишь, и исповедуешь вегетарианство.

В глазах учёного мелькнуло непонятно что: то ли искорка смеха, а может, доброжелательного интереса.

— Везёт же мне с вами, — горестно вздохнул Феликс. — Это же надо! У всех сотрудники как сотрудники, но у меня, — страдальчески закатил он глаза. — Это же надо! То вас работать не заставишь, то от работы не оторвёшь. Где вас таких только делают!

— Я думаю, в месте, хорошо вам известном, шеф, — ответил потупясь Иван Иванович.

— А другого, лучшего, ничего пока не придумано. К всеобщему удовлетворению. Медицина, знаете ли, пока сильно отстаёт от императивных требований жизни. А что касается работы, не за зарплату же мы служим, и не то чтоб ради. За зарплату работают наёмники. За кусок хлеба, за грошовую подачку, за миску похлёбки. Примитивное биологическое выживание. Жизнь ради еды и двух-трёх естественных физиологических потребностей. Убогое маразматическое существование! Жизнь слепого, безмозглого дождевого червя. До-

бропорядочного потребителя сериалов и гамбургеров. Труд таких людей поэтому и называется наёмным. А наши интересы чуть шире финансовой стороны дела. С годами, как ни странно, приходишь к убеждению, что деньги не так уж много значат, а тем более что-либо решают, кроме убогих, сугубо материальных вопросов в нашей жизни. И уж любому ясно: чем больше денег у человека, тем хуже у него с тем, что в обиходе называется банальным, заезженным, до нельзя пошлым словом «душа». Хотя, следует признать, все мы не очень этим богаты.

Учёный, членкор Академии наук, за долгую жизнь не заработавший ни лишней копейки, ни палат каменных, хотя мог бы при новых властях развернуться, накопать по-скорому, как некоторые, миллиончик — другой в любой валюте, глянул на Ивана Ивановича искоса, скривил губы, как будто спросил: «Так-то ли? Что же тогда имеет истинное значение?», а вслух сказал:

— Ой ли! Между прочим, к разговору о деньгах! На днях звонил, чуть телефон не оборвал, ваш друг Монгольский.

— Витька?

— Виктор Андреевич, — деликатно поправил Ивана Ивановича Феликс, — спрашивал о вас. Он очень интересовался, чем вы так заняты, что никак не можете навестить его? Может вам помочь выбрать время? Или вы перестали быть друзьями? Так вот, к чему это я: ваш друг, насколько я понимаю, придерживается прямо противоположных взглядов. Если я правильно понял, он считает, что в его случае как раз деньги решают всё, — высказался, с любопытством ожидая ответной реакции Ивана Ивановича, Феликс Владимирович. Железный Феликс, как все они его уважительно величали.

— Сначала деньги, — сказал ваш друг, — а уж с деньгами я добьюсь всего, что-только душа пожелает.

— А не скажете, откуда он звонил? — поинтересовался Иван Иванович.

— Он почему-то мне сказал, что из Штатов, — ответил Феликс. — Вы не скажете, почему из Штатов? Что происходит? Я что-то не понимаю? — спросил удивлённо Феликс Владимирович.

В глазах старого учёного, бесребренника, идеалиста, отдавшего всю жизнь чистой науке, верившего в беспрекословную